

М. Костюхина

ДОМ ДЕРЖАВИНА И ДЕТСКИЙ ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ XIX В.

Проект создания литературно-патриотического текста для воспитания русских детей связан с традициями семейного дома Г. Р. Державина, в стенах которого проходили заседания *Беседы любителей русского слова*. Этот проект был реализован Л. А. Ярцовой, родственно связанной с домом Державина. Соединение семейного и национального дискурсов определило специфику созданных ею патриотических текстов. Художественно-воспитательные идеи Ярцовой оказались близки патриотическому канону, который утверждался в русском обществе в 1830–1850-е гг. Риторика этого канона была основана на прославлении семьи как хранилища православно-патриархальных ценностей, а практика выражалась в усилении контроля государства над семейным воспитанием.

Ключевые слова: дом Державина, *Беседа любителей русского слова*, нравственно-патриотический канон, детская воспитательная книга, православно-патриархальные ценности.

Текст русской детской книги XIX в. — это не только факт литературы и педагогики, но и факт жизни русского семейного дома. Семантика и прагматика этих текстов определялись во многом идеологией семьи и укладом дома. История русской патриотической книги для детей связана с домом Г. Р. Державина. Семейный дом Державиных представлял собой традиционную дворянскую семью конца XVIII — начала XIX в., с характерными для этой эпохи бытом, культурой, системой отношений старших и младших. В то же время это был «писательский» дом, в котором создавались литературные тексты, формировались идеологические программы и художественные проекты. Один из таких проектов был связан с идеей написания «истинно русской» книги для детей. Реализация этого проекта произошла в эпоху, отдаленную от жизни Державина двадцатилетней дистанцией. К 1830–1840-м гг. сам поэт и его дом стали национальной легендой. Воскрешение этой легенды в книгах для детей было вызвано к жизни не только личной заинтересованностью родственников Державина в сохранении памяти о великом поэте, но и идеологическими запросами эпохи.

Суть этих запросов сводилась к идее сохранения национально-патриархальных ценностей в духовно-воспитательных целях. Кон-

Ярцова Л. Счастливое семейство, или полезное чтение для детей. 2-е изд. СПб, 1854. (Благотворительность — школа патриотического воспитания для малолетних русских дворян. Благотворительная деятельность предполагает не только денежное вспоможение («немецкий» вариант), но и личное участие в судьбе опекаемых. Это закладывает основы общенациональной семейственности. Идея семейных отношений, связывающих дворян и простолюдинов, подчеркивается в книге Ярцовой тем, что дети навещают свою старую кормилицу — дворовую крестьянку.)

цепция воспитания, связанная с деятельностью министра народного просвещения С. С. Уварова, опиралась не только на государственное воспитание (как было в предыдущие эпохи), но и на воспитание в семье. С. П. Шевырев, выступая перед студентами Московского университета, изложил официальную концепцию семейного воспитания:

Эта святыня внутренняя есть семейство — и между тем, как государство в своих заведениях образует человека общественного, внешнего, — здесь, в невидимом лоне семьи, родится, растет и зреет человек внутренний, цельный, дающий

основу и ценность внешнему. <...> Только в самой тесной, самой неразрывной связи семейного воспитания с государственным заключается идеал воспитания совершенного, везде, но особенно в настоящую минуту, в нашем Отечестве <...>. Общественное заведение, как бы превосходно и семейно устроено ни было, никогда не сможет иметь у себя в руках всего, цельного человека: ибо корень его всегда будет в семье, откуда он [Шевырев 1842, с. 3–4].

В этот период возникла потребность в литературных текстах, пропагандирующих образцы истинно русского воспитания на примерах из жизни дворянской семьи. Речь шла о популяризации нравственно-патриотического канона в книгах для семейного чтения. Литературные основы этого канона определились в художественной публицистике начала XIX века. В речах и рассуждениях «первых славянофилов» (прежде всего адмирала А. С. Шишкова) пропагандировалось отеческое воспитание как средство объединения и сохранения нации. Местом чтения духовно-патриотических текстов был петербургский дом Г. Р. Державина на Фонтанке. Там в большой зале с 1811 по 1816 г. проходили заседания «Беседы любителей русского слова». На этих заседаниях присутствовали не только многочисленные гости, но и домочадцы Державина. Среди них — малолетние родственники, взятые Державиными на попечение (своих детей у Державиных не было)¹.

В официально-семейном кругу державинского дома читались «рассуждения» о воспитательном значении национального языка и «учительной литературы»:

Начнем совещавать о главном нашем деле:
Как в юные сердца страх Божий насаждать
И тем на них привлечь небесну благодать,
И тою предварить душевны недостатки,
Чтоб дети нежные, самих себя начатки,
Невинностью цвели под дланию царя

[Ширинский-Шихматов 1971, с. 390].

С обиходными педагогическими практиками поэтические «рассуждения» не были связаны: за дверями детской звучали не патриотические лозунги, а французская речь гувернера. Опыт семейного дома самого Шишкова не был здесь исключением: его приемные дети, к великой печали адмирала, «росли по-французски»². Неудачи воспитания Шишков связывал со «злокозненностью» иноземных учителей и отсутствием «истинно русских» книг для детей. Однако помехой русскому патриотическому чтению для детей были не переводы, а строгие каноны русского учительного слова, не допускавшие смешения «утилитарного» (связанного с практикой воспитания ребенка) и патриотического.

Все «детское» шло по ведомству «приватной» литературы, имевшей в своей основе европейские образцы. Примером такой литературы были детские тексты, написанные Державиным: песенки в немецком духе, комедии для домашнего театра во французской манере и посвящения в анакреонтическом стиле. В стихах, посвященных племянницам, звучат мотивы наслаждения жизнью и женской красотой:

Лиза! Друг мой милой, юной!
Розе глас свой посвящай,
На гитаре тихострунной
Песнь мою сопровождай

[Державин 1869, с. 269].

Воспитательное значение литературы связывалось Державиным с героико-олической и библейской традицией. Такое благоговейно-уважительное отношение к слову разделяли все члены семьи, независимо от возраста, и дети здесь не были исключением.

Детское патриотическое чтение, идею которого вынашивал Шишков, существовало в проекте. Только в 1830-е гг., когда о программе национального воспитания заговорили в государственных кабинетах и с университетских кафедр, Шишков предложил свой образец детского патриотического текста. Его книга *Разговоры старца с юною девицею* (1835) представляла собой популярное изложение воспитательных идей самого Шишкова. Однако слог *Разговоров...* и их пафосность (в отличие от написанного Шишковым для детей полувеком раньше)³, воспринимались как полная архаика. Идеологическое наследие недавнего прошлого необходимо было связать с современными литературными и педагогическими практиками. Патриотически настроенные публицисты 1830-х гг. зывали к имени Державина. «Истинный представитель гения России, дикого, неоконченного, неразвитого, но — могущего, как земля русская, крепкого, как душа русская, богатого, как язык русский» [Полевой 1839, с. 91]. Понятным становится обращение адмирала Шишкова, в ту пору президента Академии наук, к писательнице, родственно связанной с Державиным и его домом.

Л. А. Ярцова (1794–1876), дочь директора уральских горных заводов, приходилась близкой родственницей Д. А. Державиной⁴. Ярцова хорошо знала уклад петербургского дома Державиных на Фонтанке и в усадьбе Звана на Волхове. Она жила там подолгу как при жизни Державина, так и после его смерти, находясь при вдове поэта. Державинский дом оказался для Ярцовой духовной и

литературной школой, которой она была по-родственному предана до конца жизни.

В доме Державиных Ярцова познакомилась с адмиралом Шишковым, которому показала свой перевод книги немецкого писателя И. Висса *Новый Робинзон, или Швейцарское семейство, претерпевшее кораблекрушение* (СПб. 1833–1834). Шишков, по словам Ярцовой, «возложил на меня обязанность написать в нравственном смысле и в русском духе какую-нибудь повесть для детского чтения», пообещав помощь в ее издании. Свое обещание Шишков выполнил: труд Ярцовой под названием *Полезное чтение для детей* (название дано самим Шишковым)⁵ был издан в 1835 г. в шести книгах на средства Российской Академии наук как представляющий значительную ценность для воспитания российского юношества. Официальный статус книги подтверждала Малая золотая медаль, полученная Ярцовой от Академии наук, а также присужденная ей в 1838 г. Демидовская премия. В протоколах заседания Академии наук указывалось, что книга «отличается совершенным знанием отечественного языка, сведениями во многих науках и весьма редкою способностью излагать избранные ею предметы слогом чистым, весьма приятным и вместе с тем приспособленным к понятиям юных ее читателей» [О награждении 1836].

Выдвижение детской книги на академический конкурс поначалу вызвало недоумение, «следует ли допускать к конкурсу сочинения этого рода». В роли эксперта выступил известный педагог А. Г. Ободовский, который счел обоснованным присуждение книге Ярцовой денежной награды. В его статье указывалось, что выдвигаемая книга сообщает в доступной форме «множество понятий», представляет нравственность «в действии, в примерах, в конкретных случаях», «развивает в них любовь к отечеству», «питает религиозное чувство», а также «служит для детей приятным препровождением» [Шестое присуждение 1837, с. 42]. Академическая награда рассматривалась как «поощрительное» средство для развития отечественной детской литературы.

Высокой награде подлежала патриотическая программа воспитания дворянского ребенка, изложенная Ярцовой «в занимательной форме». Общие рассуждения и наставления писательница подкрепила картинами из жизни «счастливого семейства» Добровых. Старшее поколение этой семьи воспитывает своих детей в истинно русском духе. Такое воспитание основано на владении родным языком, знании русской истории, почтительном отношении к русским святыням

и национальным традициям. Русскому воспитанию полемически противопоставлено воспитание иноземное. Дети, выученные на французский манер, нездоровы физически и морально. Их выдает бледность лица, нелепые наряды, неумение занять себя и вечное недовольство жизнью. В то же время «счастливые» дети полны сил и здоровья, их досуг занят чтением русских книг, благотворительностью и деревенскими забавами на лоне природы⁶.

Прототипом «счастливой русской семьи» в книгах Ярцовой послужило сразу несколько реальных семейств (Львовых, Бакуниных, Ниловых, Ярцовых), родственно связанных с Державиными. Все они — не последние люди в истории русской культуры, однако дому Державиных в книгах Ярцовой отводится особое место. Имя великого русского стихотворца придает семейно-родовым ценностям статус общенациональных идеалов. Поэтому Ярцова нигде не афиширует своего родства с «дядюшкой» Державиным. Она предпочитает аттестовать себя в книгах как «природную русскую», чувства которой «почерпнуты не из иноземного источника, а из одного горячего сердца, любящего свое Отечество и соотечественников своих» [Счастливое семейство 1854, с. VI]. Однако в восторженном преклонении перед Державиным и его домом звучит много личного, да и свои занятия литературой Ярцова расценивала как выполнение родственного долга. Такое соединение семейного и национального дискурсов определило специфику патриотических текстов, написанных Ярцовой для русских детей⁷.

Обращаясь к реальным фактам из истории державинского дома, Ярцова придает каждому бытовому событию высокий патриотический смысл. Патриотизм для Ярцовой неразрывно связан с прошлым, олицетворением которого является державинский дом. Это прошлое, с одной стороны, локализовано во времени: архитектура, быт, интерьер — памятники екатерининской эпохи описаны Ярцовой по памяти в мельчайших деталях (к тому времени дом Державиных был продан). С другой стороны, прошлое — это традиции и обряды, корни которых уходят в древнюю Русь. В доме Державиных, который Ярцова сравнивает со «старинным замком», свято чтут традиции «учительного слова», соблюдают православную обрядность и патриархальные обычаи.

«Учительное слово» Ярцова, вослед Державину и Шишкову, считает основой патриотического воспитания. Следуя их наставлениям, она избегает иностранных слов, предпочитая архаичную лексику и одическую метафорику. Поэтому ее герои едят «плоды»,

а не «фрукты»), и легко переходят с разговорного языка на проповеди и дифирамбы. Гневные инвективы Ярцова обрушивает против тех, кто не ценит родного языка, предпочитая ему иностранный⁸. Культурный статус национального слова Ярцова поддерживает авторитетом Державина, цитируя и восторженно комментируя его стихи. Чтение стихов «великого русского стихотворца» заканчивается рассуждениями о величии России, дифирамбами царю и Отечеству:

Как восхитительно пение соловья, так сильна и неподражаема лира нашего северного Барда! <...> Его стихи есть совершенная гармония, заключающая в себе все роды музыки. Дети! Мы россияне! Мы еще юноши в сравнении с другими народами, но Россия произвела уже многих знаменитых мужей, достойных вечной славы и благодарности потомства. Великие цари! Мудрые бояре, славные полководцы, знаменитые поэты и доблестные граждане взлелеяны в ее колыбели. Дети! Вы русские! И гордитесь, что носите на себе звание этого народа, любимого Господом. Милость его всегда знаменовалась над нашим Отечеством! [Полезное чтение для детей 1835, с. 81].

В патриотических разговорах, стиль которых повторял заседания «Беседы...», принимают участие и дети Добровых. С раннего детства они воспитываются в преклонении перед поэзией Державина и общесемейной любви к нему. Подобное почитание было в доме самого Державина, «обожаемого дядюшки», как называли его в семье. Известно, что юная Елизавета Львова записывала под диктовку Державина пояснения к его стихам, младшая — Прасковья Львова, сделала подробные записи последних месяцев его жизни, племянники декламировали наизусть его оды. Сама же Ярцова, как величайшую ценность, хранила кресло Державина, на котором тот сидел во время заседаний «Беседы...». Преклоняясь перед Державиным-поэтом, Ярцова превозносит его как человека, «известного добродетелями своими» (доказательство тому — не только государственная деятельность Державина, но и его домашняя жизнь, свидетельницей которой была Ярцова)⁹. Поэзия Державина, подкрепленная его образцовой жизнью, — это неисчерпаемый источник нравственных афоризмов. Так, «добрая княгиня», совершая подвиги добра и милосердия, руководствуется «истиной, сказанной поэтом нашим Державиным: «Добро творить не собираться, а если делать, делать вмиг»» [В каждом состоянии 1860, с. 172].

Чувство патриотизма воспитывается на традициях патриархальной семейственности. Согласно этим традициям, семейные отношения связывают членов дворянской семьи с их крепостными крестьянами. Примером такой семейственности быть могут домашние богослужения, в которых принимают участие не только господа,

но и прислуга. В доме Державиных такой обычай всегда соблюдался (рассказ *Васильев вечер*). Знатность и богатство хозяев дома не являются помехой для традиционного благочестия. В роскошных апартаментах особняка на Фонтанке Новый год справляют как Васильев вечер, в строгих песнопениях и общей молитве. Эта молитва объединяет всех домочадцев в единую православную семью:

Мы входим в залу, слышно пение многих голосов, но не романсов и не песней, а величественные гимны церковного напева поражают слух наш приятным удивлением, потому что мы недавно слышали оглушительный оркестр бальной музыки... здесь не то! Здесь не стучат в уши литавры и барабаны, напротив, тихое согласное пение возвышает душу и осеняет ее каким-то спокойствием, какой-то неземной отрадой — это Всеношная! Вот как здесь встречают Новый год! [Новый год 1861, с. 46].

Во главе этой семьи Д. А. Державина, которая, подобно патриарху, окружена почитанием и уважением «своих племянников, племянниц, внуков и внучек, даже правнуков». Они преподносят ей подарки, которые, по давней традиции, сделали своими руками. Тех же, кто не чтит традиций и живет «не думая ни о прошедшем, ни о настоящем, ни о будущем», хозяйка державинского дома называет «нулем между живыми существами».

В обстановке патриархальной семейственности растут дети идеальной семьи Добровых (реальные взаимоотношения старших и младших в семье Державиных были далеки от патриархальной модели). Младшие воспитываются в строгих традициях беспрекословного подчинения старшим («Человек, попускающий себя своей воле, бывает не способен ни на что хорошее, ни на что добродетельное и великое и непременно погибнет!») [Полезное чтение для детей 1835, с. 15]. Отношения патриархального послушания связывают православного человека и Бога, русского гражданина и Государя. Ребенок, который с малолетства привык к послушанию, вырастает патриотом своего Отечества («старайтесь заранее приучать себя к безусловному повиновению, кротости и точному исполнению того, чего потребует от вас Бог на путях жизни устами властей и начальств, предписаниями законов священных и гражданских») [Прогулка с детьми 1859, с. 127].

По отношению к крестьянам и дворовым людям юные дворяне держат себя в традициях дворянского патернализма: барчуки с отеческой заботой относятся к крепостным, а те отвечают господам сыновьей любовью (старая кормилица зовет барчука «батюшкой»). Вместе с крестьянами Добровы присутствуют на молитве в сельской церкви, а после службы оказывают им всевозможные благодеяния.

Пренебрегать крестьянскими нуждами могут только люди без роду и племени («жиды» и «французь»), которых Ярцова относит к врагам русского народа. Зато истинные патриоты пекутся о благосостоянии своих крестьян, ибо «господин есть отец вверенных ему людей». Благотворительность Ярцова приравнивает к патриотическому подвигу, и такая трактовка расхожего топоса детской литературы придает ему национальное содержание. Дети-благотворители, оказавшие помощь своим крестьянам, награждаются со всей торжественностью.

Образцом для таких торжеств послужили Ярцовой детские праздники, проходившие в доме Державиных (в их постановке принимал участие сам Державин). Сценарии домашних праздников включали в себя аллегорические картины, музыку и пение, к ним шили костюмы и писали декорации. Представления обставлялись со всей пышностью и проходили при большом количестве гостей (для этого в державинском доме на Фонтанке был устроен домашний театр)¹⁰. Пышность и торжественность великосветских праздников Ярцова переносит в обстановку крестьянской избы. Туда являются облаченные в расшитые золотом сарафаны девочки Добровы, чтобы вознаградить своих братьев за добрые дела. На головы героев они надевают лавровые венки, а на плечи пунцовые плащи. Все это происходит на фоне римского Капитолия, посреди которого храм с надписью «Здесь обитает гений благотворения». Звучит торжественная музыка, за которой следует исполнение русского гимна *Боже, царя храни*. Пышные торжества завершаются простонародными играми на лоне природы¹¹.

Заменив гостиную избой, Ярцова сохранила великосветский антураж: «Шесть молоденьких девочек, в белых платьях, шитых блесками, с золотою бахромою, и с венком из цветов на головах — стояли по обеим сторонам <...> Сашенька явилась в белом платье прозрачном, как дым, усаженном сплошь золотым блесками с лазоревыми крылышками и с зеленою, пальмовою веткою в руке» [Полезное чтение для детей 1835, с. 118, 124]. Еще один сценарий благотворительного детского праздника разыгрывается в книге *Первый день светлого праздника* (СПб, 1836). На помосте сделан слон, на спине которого установлена беседка с горящими шкаликами. Вокруг помоста висят гирлянды и фарфоровые украшения. Два араба везут раззолоченную колесницу, в которую усаживают добродетельного и благочестивого Мишу. Перед этим на мальчика надевают миртовый венок, пунцовую тунику и дают в руки золотое

копье. Сценарии духовно-патриотических праздников в книгах Ярцовой отсылают к традициям торжеств екатерининской эпохи. О том, как они проходили, Ярцова могла знать из семейных рассказов, а также по подробным описаниям, опубликованным Державиным (например, описание праздника, который был устроен в Петербурге в честь Екатерины Второй князем Потемкиным-Таврическим).

«Высокий стиль» описаний сочетается с прозаическими деталями быта великосветских детей (подробная опись фасонов платьев, устройства декораций, интерьера). «Племянница Державина» стремилась придать быту, устроенному по французским модным журналам, духовно-нравственное содержание — оно сможет защитить юного русского дворянина от пагуб европейского воспитания. Отказываться от этого воспитания, которое делает досуг дворянина приятным, а его жизнь комфортной, не стоит, но и превозносить нет нужды. Как не стоит уповать на силу европейского образования: оно может дать русскому человеку только «наружный блеск», но не основу. Для доказательства этого Ярцова ссылается на оду Державина *Бог*.

Мы же, при всей своей учености, остаемся с сознанием нашего неведения и невольно приводим на память высокие мысли знаменитого нашего поэта-философа:

Измерить океан глубокий,
Сочечь пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий —
Тебе числа и меры нет!

[Прогулка с детьми 1859, с. 63]

Малограмотный крестьянин ведет себя разумнее дворянского мальчика, воспитанного во французских пансионах, и такой крестьянин может служить образцом для русского дворянина. Описание того, как «образцовый» простолюдин спасает попавшего в беду барчука, — топос в назидательно-патриотической литературе. Его цитирование в эпоху споров о народном просвещении имело полемический смысл. Ярцова считала образование для крестьян излишним, видя в нем угрозу патриархальным основам русского общества.

Художественно-воспитательные идеи Ярцовой оказались близки патриотическому канону, который утверждался в русском обществе в 1830–1850-е гг. Риторика этого канона была основана на прославлении семьи как хранительницы православно-патриархальных ценностей, а практика выражалась в усилении контроля государства над содержанием домашнего обучения и семейного воспитания. Ярцова восприняла эти позиции как долгожданную реализацию

идей «первых славянофилов», на которых она была воспитана в доме Державина. В свою очередь, новое поколение патриотов (среди которых и государственные чиновники в лице Уварова, и университетские профессора в лице Шевырева, и публицисты, как Чернышевский) увидело в книгах Ярцовой практическую пользу для дела воспитания патриотизма¹². Имя Державина и его дома придавали этим книгам культурную и социальную статусность.

Примечания

¹ «Родня Д. А. нашла себе центр в доме Державиных. Сестра Дарья Алексеевны, Мария Алексеевна и муж ее, давний друг Державина, Николай Алексеевич Львов, умерли один вскоре после другого. Бездетные Державины тогда взяли к себе в дом трех племянниц Львовых: взрослую Елизавету и двух подростков Веру и Праксковию» [Хрущев 1903, с. 558]. Помимо Львовых в доме жили юные Бакунины и другие родственники. Обстановка державинского дома оказывала особое влияние на молодежь. Описывая юные годы Елизаветы Львовой, мемуарист обращает внимание на ее домашнее окружение: «В то время дом Гавриила Романовича Державина был центром собраний государственных деятелей, а потому в среде серьезно развитых людей развивалась и молодая, красивая, умная девушка, горячо любимая дядей и тетей...» [Из хроники семейства Львовых, с. 539].

² «За неимением своих детей, он взял к себе на воспитание двух родных племянников, которыми и завладела Дарья Алексеевна <жена Шишкова>. Нисколько не обращая внимания на предубеждение своего супруга — патриота против французского воспитания, она взяла к племянникам француза-гувернера, и в доме Шевырева стал раздвигаться французский язык» [Стоюнин 1880, с. 113].

³ А. С. Шишков издал в 1783 г. *Детскую библиотеку*, основанную на выборочном переводе из многотомной *Kleine Kinderbibliothek* И. Кампе. Прозаический текст Кампе Шишков дополнил стихами собственного сочинения. Книга Шишкова, многократно изданная, была образцом детского чтения на русском языке.

⁴ Мать Л. А. Ярцовой приходилась родной сестрой Н. Львову, женатому на сестре Дарьи Алексеевны Державиной, урожденной Дьяковой. В доме Державиных жил также старший брат Ярцовой Николай. Брат и сестра сохраняли теплые отношения с Д. А. Державиной до самой ее смерти и были упомянуты ею в завещании [Дзюбанов 2005].

⁵ Начальное название книги *Счастливое семейство* Ярцова, по совету Шишкова, заменила на *Полезное чтение для детей* (СПб, 1834–1836; 2-е изд. СПб, 1857). Во втором (отредактированном) издании Ярцова сохранила оба названия: *Счастливое семейство, или Полезное чтение для детей* (СПб, 1854).

⁶ Великосветская девочка, изнывающая в деревне от скуки, удивлена обстановкой детской комнаты в усадьбе. На большом столе лежали книги, тетради, рисунки, стояли глобусы, на стене вместо картин висели географические карты («и не было ни одного зеркала!»). Среди книг, особо почитаемых юными патриотами, — «История государства Российского» (Карамзина они читают каждый вечер).

⁷ О родственном долге и гражданской обязанности писала в своих воспоминаниях М. Ф. Ростовская, внучка Державина, ставшая известной детской писательницей. «Громкая слава его имени раздается по всем краям нашего обширного отечества, и на нас, его близких, лежит прямая обязанность познакомиться, по возможности, ближе всех русских людей с личностью такою прекрасною и благородною» [Ростовская 1864,

с. 157]. В отличие от Ярцовой, Ростовская не скрывает своего родства с Державиной, что придает ее мемуарам частный характер («Когда я выросла постарше, то она <бабушка> много мне рассказывала про блестящее ее прошедшее, про обожаемого ею Гавриила Романовича, про его высокое, гениальное дарование...» [Там же, с. 152]).

⁸ Герой повести отказался от своего русского имени Егорушка, желая, чтобы все окружающие звали его Жоржем (крестьянам иноземное имя напоминает кличку собаки). «По-французски говорил он прекрасно, писал также, знал грамматику наизусть, по-русски же не умел двух слов написать порядочно, в разговоре часто ошибался и не любил своего природного языка... Какая жалость не любить свой язык! Это то же, что не любить ни себя, ни отца, ни матери, ни отечества!» [Полезное чтение для детей 1834, с. 93]. Проповедуя любовь к родному языку, Ярцова почти дословно пересказывает книгу Шишкова «Разговоры старца с юною девицею».

⁹ Один из случаев описан Е. Н. Львовой. Однажды Державин «велел позвать к себе Праксковию Михайловну Бакунину (после замужем за Ниловым), которая в девushках у него жила, и просил ее, чтобы успокоить его тоску, почитать ему вслух что-нибудь из своих сочинений. Она взяла первую оду, что попала ей в руки, — «Вельможа», и стала читать, но как выговорила стихи

Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить...

Державин вдруг вскочил с дивана, схватил себя за последние свои волосы, закричав «Что написал я и что делаю сегодня! Подлец!» [Рассказы, заметки и анекдоты 1880, с. 347–348].

¹⁰ Традиция таких детских праздников сохранялась в доме Д. А. Державиной. В 1834 г. был устроен грандиозный детский праздник для внуков и племянников. В. Н. Воейкова (дочь Н. Львова) описала по воспоминаниям детства один из таких праздников: «Когда мы, внуки, были подростками, бабушке вздумалось устроить костюмированный бал. Приготовления и репетиции к нему длились месяц. <...> Праздник удался как нельзя лучше. Характерные танцы были поставлены знаменитым тогда балетмейстером Огюстом. Были тут мифологические боги и богини, были четыре части света и четыре времени года. <...> Я была Африкой: корсаж из пальмовых листьев, а на груди огромное солнце из бриллиантов бабушки» [Хрущев 1903, с. 574]. Детский праздник, на который был приглашен весь цвет петербургского общества, разыгрывался на античные и европейские мотивы.

¹¹ «Они бегали взапуски по лугу, перед глазами наших старших, любовавшихся ими, плели венки, украшали березки лентами и цветами, пели между тем хороводные песни, играли в фанты, качались на качелях, катались с деревянной горы. Набегавшись досыта и поужинав, как водится по-русски, они легли на свои постели, где крепкий и приятный сон ожидал их» [Полезное чтение для детей 1834, с. 115].

¹² Доброжелательную рецензию на второе издание книги Ярцовой «Полезное чтение для детей» написал Н. Чернышевский: «Несколько устаревшая форма и немного тяжеловатый язык этого сочинения не мешают ему занимать, однако, почетное место среди детских сочинений, которые составлять весьма нелегко...» (Современник. Т. 49. С. 40). С. Шевырев с восхищением отзывался о книгах Ярцовой, считая, что в их основе лежит «религиозно-практическая мысль». В свою очередь, Ярцова считала лекции Шевырева по истории русской словесности лучшим воспитательным чтением («Какие чувства! Какая любовь к нашей милой родине! <...> С каким восторгом я встретила не раз сходное с тем, что давно таилось в душе моей, это сочувствие приводит меня в какую-то гордость! <...> Пора, давно пора стать России на свое настоящее место и, по Вашему же слову, явиться центром всемирного соединения, что не может произойти иначе, как открытием полного блеска истинных ее достоинств» (в письмах

к Шевыреву 1849 г.). Ярцова работала над переложением для детей *Древней русской словесности* Шевырева и через А. А. Окулову (камер-фрейлину, воспитательницу великой княгини Ольги Николаевны) получила одобрение Шевырева на издание книги, но по каким-то причинам публикация не состоялась.

Источники

В каждом состоянии можно делать добро. М., СПб, 1860.

Державин Г. Р. Лизе. Похвала розе // Сочинения Державина. 2-е акад. изд-е / под ред. Я. Грота. Т. 2. СПб, 1869.

Из хроники семейства Львовых // Русская старина. 1898. № 12.

Новый год, масленица и Рождество Христово. СПб, 1861.

О награждении г-жи Ярцовой золотой медалью // Архив РАН. 1836.

Полезное чтение для детей. СПб, 1834. Кн. 1.

Полезное чтение для детей. СПб, 1835. Кн. 2.

Прогулка с детьми по Киеву. СПб, 1859.

Рассказы, заметки и анекдоты, из записок Елизаветы Николаевны Львовой // Русская старина. 1880. № 6.

Ростовская М. Воспоминания о Гаврииле Романовиче и Дарье Алексеевне Державиных // Семейные вечера, отдел для старшего возраста. 1864. № 3.

Шевырев С. Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского московского университета. М., 1842.

Шестое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб, 1837.

Ширинский-Шихматов С. А. Приглашение друзей на вечернюю беседу // Поэты 1790–1810-х гг. СПб, 1971.

Исследования

Дзюбанов С. Завещание Дарьи Алексеевны Державиной // Г. Р. Державин и его время. Вып. 2. СПб, 2005.

Полевой Н. Очерки русской литературы. Ч. 1. СПб, 1839.

Стоюнин В. Исторические сочинения. Ч. 1. Алексей Семенович Шишков. СПб, 1880.

Счастливое семейство, или Полезное чтение для детей. СПб, 1854. Кн. 1.

Хрущев И. Милена, вторая жена Державина // Рус. вестн. 1903. Т. 283, кн. 2.